

Человек в истории и культуре

УДК 168.522:39:903:94 (100) “.../20” (08)

ББК 87.216+63.3(о)о /7-7я4/5

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ. Выпуск 2. Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко / Отв. ред. А.А. Пригарин. – Одесса: СМИЛ, 2012. – 644 с.

Ответственный редактор:
кандидат исторических наук, доцент *A.A. Пригарин*

Редакционная коллегия:
кандидат исторических наук, доцент *A.I. Ганчев*
кандидат исторических наук *D.B. Киосак*
кандидат политических наук, доцент *C.B. Koch*
кандидат исторических наук *G.H. Стоянова*

Редакционный совет:
E.A. Бачинская – доктор исторических наук, профессор,
I.C. Гребцова – доктор исторических наук, профессор,
A.I. Киссе – доктор политических наук,
B.A. Колесник – доктор филологических наук, профессор,
V.I. Наулко – член-корреспондент НАН Украины,
доктор исторических наук, профессор,

Рецензенты:
H.D. Руссов – доктор исторических наук, профессор,
A.A. Скрипник – академик НАН Украины,
доктор исторических наук, профессор

В данный сборник вошли результаты исследований друзей, коллег и учеников профессора Владимира Никифоровича Станко. Издание подготовлено в память об этом Человеке и приурочено к его 75-летию. Открывают сборник материалы мемуарно-биографического характера. Затем следуют работы, которые тематически представляют направления научных интересов ученого – археология, этнология, история и историография. Широкая хронологическая и географическая проблематика статей должна вызвать интерес среди специалистов разных дисциплин и академических центров.

О греческом влиянии на погребальный обряд и материальную культуру скифского могильника

264 III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра

С 1995 г. Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко проводятся исследования скифского могильника III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. За время изучения памятника было получено достаточное количество данных, позволяющих детально характеризовать погребальный обряд и материальную культуру населения, оставившего могильник у с. Глиное¹.

Основными характеристиками погребального обряда могильника у с. Глиное являются: подкурганные захоронения, совершённые в катакомбах I, II, III и V типов по В.С. Ольховскому² со значительным доминированием последних двух типов сооружений; большое количество асинхронных, а также впускных погребений, свидетельствующих о неоднократности использования курганных насыпей, изредка окружавшихся рвами; доминирование меридиональной ориентировки погребённых (в катакомбах III и V типов) при крайне незначительном присутствии широтной (в катакомбах I и II типов) и др.

Материалы, полученные при исследовании могильника у с. Глиное, позволяют с достаточной уверенностью фиксировать греческое влияние на погребальный обряд и материальную культуру нижнеднестровских скифов III–II вв. до н.э.

Влияние греческой традиции на погребальную обрядность нижнеднестровских скифов III–II вв. до н.э. на могильнике у с. Глиное проявляется на примере устройства сырцовых закладов, а также единственного заклада из сосудов, низ в стенах погребальных камер для светильников, материкового ложа и под-

¹ Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин Л.В. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Сборник научных статей Международной археологической конференции. – Одесса, 1997. – С. 251–255; Яровой Е.В., Четвериков И.А., Субботин Л.В. Погребальный обряд скифского курганного могильника у с. Глиное (по данным раскопок 1995–1997 гг.) // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварских культур (материалы полевого семинара). – Тирасполь, 1997. – С. 14–19; Яровой Е.В., Четвериков И.А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья (материалы полевого семинара). – Тирасполь, 2000. – С. 3–28; Четвериков И.А. Варварское население левобережья Нижнего Днестра во второй половине III в. до н.э. (попытка этнополитической реконструкции Тираспольской группы) // Северное Причерноморье: от энеолита к античности (сборник научных статей). – Тирасполь, 2002. – С. 234–245; Четвериков И.А., Синика В.С. Катаомбы II типа в Тираспольской группе // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э.–V век н.э.). Материалы III Международной конференции. – Тирасполь, 2002. – С. 299–305; Синика В.С. К вопросу о хронологии памятников Тираспольской группы // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы II Судакской международной научной конференции. Часть I. – К.-Судак, 2004. – С. 110–113; Синика В.С. К вопросу о семантике конских погребений на скифском могильнике III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра // Археологія і давня історія України. Вип. 5. Археологія: від джерел до реконструкцій. – К., 2011. – С. 119–124.

² Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). – М., 1991. – С. 26–28.

сыпок под погребёнными, канавок в дне погребальных камер, а также в обрядах захоронения кошки в погребальной камере и помещения монеты в качестве «обола Харона» в погребение.

Сырцовые заклады достоверно зафиксированы в шести погребениях могильника у с. Глиное. Отметим, что число катакомб с сырцовыми закладами на могильнике у с. Глиное, по-видимому, было большим, поскольку часть погребений была нарушена при подзахоронениях и ограблениях, в некоторых случаях свод дромоса и камеры проседал из-за позднейших нарушений почвы, исключая, таким образом, возможность установить наличие заклада.

С одной стороны, сырцовые заклады крайне редко встречаются в скифских катакомбах Северного Причерноморья: они исследованы в погребениях 3/2 у с. Вапнярка в Поднестровье³ и 3/2 могильника у с. Отрадное в Побужье⁴. Еще 30 таких закладов известны в катакомбах Петуховского (Марицынского) могильника в Нижнем Поднестровье, расположенного в близости от Ольвии⁵.

В то же время сырцовые заклады получили широчайшее распространение на античных некрополях Северного Причерноморья. Сырцовые заклады на некрополе Ольвии устраивались как катакомбах I типа («подбойных могилах»), так и в земляных склепах. В катакомбах I типа в V–IV вв. до н.э. сырцовые кирпичи являлись наиболее распространённым строительным материалом, который использовался для закладов. Из всех раскопанных сооружений этого типа 44, т.е. 24%, имели именно такие заклады. Помимо этого сырец использовался в комбинированных закладах погребений 1902/82 (сырец + камень), 1995/6 (сырец + амфоры), 1995/9 (сырец + амфоры). Еще чаще сырцовые заклады использовались в грунтовых склепах: 55% склепов V–IV вв. до н.э. и 60% склепов IV–III вв. до н.э.⁶

Заклад из сосудов исследован единожды на могильнике у с. Глиное – в погребении 7/1. Термин «заклад» применяется к данному комплексу условно, поскольку в основном дромосе указанного захоронения сосуды, входившие в состав заклада (светильник, чашка, курильница и миска), не могли являться преградой для попадания грунта в камеру при засыпке входной ямы. Вместе с тем не вызывает сомнения, что данный заклад являлся имитацией амфорных, получивших незначительное распространение в скифском погребальном обряде и широчайшее – в греческом.

В предшествующее время в Дунай-Днестровских степях заклады из амфор известны всего в двух скифских захоронениях: у с. Камышовка в Подунавье и у с. Надлиманское в Поднестровье⁷, причём последний комплекс был обнаружен неподалёку от Никония. Известно три амфорных заклада и в Нижнем Побужье –

³ Савельев О.К., Останиенко П.В. Новые памятники скифской эпохи в Северо-Западном Причерноморье // ССПiК. Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова). XV. Запоріжжя, 2009. – С. 169, рис. 2/5.

⁴ Гребенников Ю.С. Скифский курганный могильник у с. Отрадное // Археологические памятники Поингулья. – К., 1980. – рис. 4/1; Он же. Киммерийцы и скифы Степного Побужья. – Николаев, 2008. – С. 72.

⁵ Ольховский В.С. Указ. соч. – С. 30.

⁶ Козуб Ю.І. Некрополь Ольвії V–IV ст. до н.е. – К., 1974. – С. 13; Папанова В.А. Уроцище Сто могил – некрополь Ольвии Понтійської. – К., 2006. – С. 93, 95, 106.

⁷ Субботин Л.В., Охотников С.Б. Скифские погребения Нижнего Поднестровья // Древности Северо-Западного Причерноморья. Сборник научных трудов. – К., 1981. – С. 106, рис. 1/8,9.

они обнаружены в погребениях 1N Аджигольского, 4S и 3X Петуховского могильников, расположенных в непосредственной близости от Ольвии⁸.

На некрополе Ольвии греческого времени амфоры являлись наиболее распространённым материалом для устройства закладов. Амфорные заклады были изучены в 33 катакомбах I типа V–IV вв. до н.э., что составляет 30,7% от общего числа подобных сооружений этого времени. Амфоры использовались и в комбинированных закладах в погребениях 1901/66, 1912/57, 1920/54 (амфоры + камень), 1912/55а (амфоры + известняк + мрамор), 1992/3 (амфорные стенки + полуобработанные камни), 1902/82, 1995/6, 1995/9 (амфоры + сырец). В III–II вв. до н.э. на некрополе Ольвии значительно сокращается количество катакомб с амфорными закладами. Таких комплексов исследовано всего три – 1902/129, 1906/53, 1906/97.

Ниши в стенах входной ямы и погребальных камер для светильников были достоверно зафиксированы 16 раз на могильнике у с. Глиное. Только одна ниша, в которой находился светильник, была устроена в стенке входной ямы. В остальных погребениях ниши для светильников были вырезаны в стенах погребальных камер. Трижды светильники находились в самих нишах, восемь раз они были обнаружены возле ниш (выпали при отслоении свода и стен камеры). Ещё в четырёх случаях ни в нишах, ни рядом с ними светильников обнаружено не было, но следы копоти на стенах и сводах ниш свидетельствуют о том, что они использовались в качестве полок для светильников, которые были вынесены из камеры после завершения обряда погребения или при совершении подзахоронения.

Безусловно, устройство ниш в погребальных камерах для светильников, было заимствовано нижнеднестровскими скифами у греков. Об этом свидетельствует и широкое распространение самих светильников на могильнике у с. Глиное, подражающих, как правило, греческим образцам, так и имеющиеся аналогии на некрополе Ольвии, где «в ряде склепов в стенах камер вырезали по одной или по две прямоугольные ниши для светильников»¹⁰.

Материковое ложе на могильнике у с. Глиное было зафиксировано только в одном захоронении. Оно представляло собой вырезанное в материке прямоугольное возвышение, на которое был положен погребённый.

Подобное размещение тела умершего в камере – на материковом ложе – не известно в скифских комплексах Северного Причерноморья. Однако, как и в случае с предыдущими элементами обрядности, этот элемент представляет собой распространённое явление на некрополе Ольвии. Материковые «лежанки» зафиксированы в целом ряде земляных склепов, которые суммарно датируются III–II вв. до н.э.¹¹

Подсыпка материковой глиной дна камеры была зафиксирована в двух погребениях могильника у с. Глиное.

Хотя данный элемент обрядности известен, например, в скифских погребениях 48/2 у с. Кочковатое в Подунавье¹², 186/2 могильника Мамай-Гора¹³ и 13/2

⁸ Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritsin, Gouv. Cherson (Süd-Russland) // PZ. Band V. – Leipzig, 1913. – s. 23, 34–41, abb. 27, 40.

⁹ Козуб Ю.І. Вказ. праця. – С. 13; Папанова В.А. Указ. соч. – С. 93, 95, 96, рис. 37.

¹⁰ Папанова В.А. Указ. соч. – С. 104, рис. 42.

¹¹ Парович-Пешкан М. Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К, 1974. – С. 34–35; Папанова В.А. Указ. соч. – С. 103–104.

¹² Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. – К, 1992. – С. 50.

¹³ Андрух С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга IV. – Запорожье, 2009. – С. 111, рис. 53.

группы Богдановской обогатительной фабрики в Поднепровье¹⁴, его появление также связано с греческим влиянием, поскольку подсыпка дна камеры, безусловно, имитировало материковое ложе, вырезанное в дне погребальной камеры. На некрополе Ольвии подобный способ захоронения – на насыпанной материковой лежанке – зафиксирован, в частности, в земляном склепе 1902/35¹⁵.

Канавки в дне погребальной камеры были выявлены в трёх захоронениях могильника у с. Глиное. Прямоугольные канавки длиной от 1,2 м до 2,1 м, шириной от 8 см до 14 см и глубиной от 7 см до 15 см не содержали следов каких-либо строительных материалов и располагались вдоль длинных стен погребальных камер. Таким образом, очевидно, что эти канавки являлись не конструктивным элементом погребальной камеры, а элементом обрядности.

Скифские катакомбы с аналогичными канавками в Северном Причерноморье не известны. В то же время они исследованы на некрополе Ольвии. Прямоугольные канавки шириной 0,3–0,5 м и глубиной 0,2–0,3 м, устроенные вдоль длинных или коротких стен могилы, были зафиксированы в четырёх комплексах. В.А. Папанова отрицает возможность их использования для установки и крепления каких-либо конструкций, поскольку в одном из погребений (1909/32) костяк лежал поверх канавки. Исследовательница отмечает, что они предназначались, вероятно, для возлияний, совершённых «до помещения тела в могилу с целью умилостивить подземных богов».¹⁶ Широкое использование различных жертвенных канавок и канав, устроенных как в погребениях, так и в непосредственной близости от них, на греческих некрополях Северного Причерноморья во все периоды их существования, не оставляет сомнений в греческом происхождении данного элемента обрядности на могильнике у с. Глиное.

Погребение кошки в камере отмечено на могильнике у с. Глиное единожды. Кошка (*Felis silvestris catus*)¹⁷ была положена в нишу, расположенную в северо-восточном углу камеры, у дна катакомбы. Погребение кошки в камере катакомбы является уникальным явлением, для Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. Известно, что кошка была домашним животным у греков, однако при этом большей популярностью пользовались ласка и куница. Попадание кошки в погребальный комплекс на могильнике у с. Глиное, по нашему мнению, может объясняться только греческим влиянием на обрядность. Проводником этого влияния были Тира и Никоний на берегах Днестровского лимана, а также греко-варварские поселения Чобручи и Красное, расположенные в непосредственной близости от могильника у с. Глиное. В частности, на поселении Чобручи кости кошки были обнаружены на раскопе I – в заполнении хозяйственной ямы № 3.¹⁸

Монета в качестве «обола Харона» зафиксирована на могильнике у с. Глиное также в единственном комплексе. Монеты, хотя и крайне редко, встречаются в скифских погребальных комплексах. Они происходят, в частности, из захоронений 22/1 могильника Плавни I в Подунавье¹⁹, 4/1 группы II у с. Ковалёвка в Побужье²⁰, 10/1, 12/1, 56/1, 66/1 Акташского могильника в восточном

¹⁴ Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. – К, 1973. – С. 163.

¹⁵ Папанова В.А. Указ. соч. – С. 103–104.

¹⁶ Там же. – С. 199–200.

¹⁷ Определение к.б.н. Г.Д. Чемыртана.

¹⁸ Определение к.б.н. Г.Д. Чемыртана. Благодарю С.А. Фидельского за возможность ознакомиться с неопубликованным материалом.

¹⁹ Суничук Е.Ф., Фокеев М.М. Скифский могильник Плавни I в низовьях Дуная // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. – К, 1984. – С. 112, рис. 2/25.

²⁰ Ковпаненко Г.Т., Бунятян Е.П., Гаврилюк Н.А. Раскопки курганов у с. Ковалёвка // Курганы на Южном Буге. – К, 1978. – С. 62, рис. 33/4,5.

Крыму²¹. Однако, в отличие от перечисленных скифских захоронений, потребованных в той или иной степени, на могильнике у с. Глиное впервые достоверно отмечено такое размещение монеты (среди костей лицевой части черепа), которое не оставляет сомнений в том, что она была положена именно в качестве «обола Харона». Подобный обряд получил достаточно широкое распространение на некрополе Ольвии в архаическое²², классическое²³ и эллинистическое время²⁴, в связи с чем его использование на могильнике у с. Глиное, безусловно, следует связывать с греческим влиянием.

Греческое влияние на материальную культуру нижнеднестровских скифов III–II вв. до н.э. фиксируется на могильнике у с. Глиное также отчетливо. Оно нашло свое отражение в широчайшем распространении светильников, единичной находке канделябра, серии лепных чашек на высокой ножке и лепного поильника.

Светильники были обнаружены в 45 из 174 погребений могильника у с. Глиное, т.е. каждое четвертое захоронение содержало светильник. Всего же светильников было найдено 55, из которых 49 являлись собственно светильниками, а еще шесть – различными иными сосудами и их фрагментами, которые использовались в качестве светильников (три поддона, две лепные чаши и одна амфорная ножка). Из 49 светильников один был бронзовым, семь – гончарными, однако наибольшее распространение получили лепные светильники – 41 экз.

Отметим, что светильники крайне редко встречаются в скифских погребениях Северного Причерноморья и Крыма V–II вв. до н.э. Нам известно всего 30 светильников: бронзовые – 6 экз. – из погребения у хутора Клименков, из курганов Артюховского²⁵, Бабы²⁶, Чертомлык²⁷, Толстая Могила (2 экз.)²⁸; железный – 1 экз. – из погребения группы Свиарёвой Могилы в Поднепровье²⁹; гранитный – 1 экз. – из захоронения 13/4 у с. Львово на Херсонщине³⁰; гончарные – 10 экз. – из погребений № 67 грунтового могильника у с. Николаевка³¹ на левобережье Нижнего Днестра, 1/1 у с. Первомаевка³², в курганах 33, 53 (2 экз.), 56 и 59 Петуховского могильника на Нижнем Днепре³³, в погребении 2 (Восточном лазе) кур-

²¹ Бессонова С.С., Буняян Е.П., Гаврилюк Н.А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. – К, 1988. – С. 66–67, рис. 10/12, фото 1/1, 3, 3.

²² Скуднова В.М. Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. – Л, 1988. – С. 31.

²³ Козуб Ю.І. Вказ. праця. – С. 105–106.

²⁴ Парович-Пешкан М. Указ. соч. – С. 130–134; Папанова В.А. Указ. соч. – С. 217; Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в северном Причерноморье (VII–IV вв. до н.э.). – СПб, 2007. – С. 241, 253.

²⁵ Яценко И.В. Раннее сарматское погребение в бассейне Северского Донца // КСИА АН СССР. № 89. – М, 1962. – С. 49, рис. 17.

²⁶ Гаврилюк Н.А. Домашнее производство и быт степных скифов. – К, 1989. – С. 29.

²⁷ Алексеев А.Ю., Мурzin В.Ю., Ролле Р. Чертомлык (скифский царский курган IV в. до н.э.). – К, 1991. – С. 126, кат. 114.

²⁸ Мозолевський Б.М. Товста Могила. – К, 1979. – С. 53, 66, 144, 193, рис. 50, 130/1.

²⁹ Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Каталог. – К, 2007. – С. 127.

³⁰ Евдокимов Г.Л. Скифский курган у с. Львове на Херсонщине // ДСПК. III. – Запорожье, 1992. – С. 147, рис. 8/2.

³¹ Мелюкова А.И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. – М, 1975. – С. 102, рис. 46/6.

³² Скифы Северного Причерноморья. – К, 1988. – С. 88, рис. 1/1.

³³ Полин С.В. От Скифии к Сарматии. – К, 1992. – С. 36, 38, 39, рис. 3/12, 6/10, 12, 7/3, 8/16.

гана Кара-Тюбе в Северо-Западном Приазовье³⁴, а также в захоронениях 1/2 у хут. Ленино³⁵ и 60/2 Акташского могильника в Восточном Крыму³⁶; лепные – 12 экз. – в Поднестровье из захоронений № 49 грунтового могильника у с. Николаевка³⁷ и курганов 154, 159 (2 экз.), 173 и 174 у с. Парканы, 186 у с. Терновка, 402 и 405 у с. Чобручи на Тираспольщине³⁸, а также из погребения в с. Троицкое (1895 г.)³⁹, в левобережном Поингулье – в кургане 9 у с. Нововасильевка⁴⁰, в Нижнем Поднепровье – в погребении на земляном валу Знаменского городища⁴¹.

Сравнение количества находок светильников на могильнике у с. Глиное (55 экз.) и из всех других скифских погребальных памятников (30 экз.) убедительно свидетельствует о широчайшем распространении обряда помещения светильников в погребальные камеры у нижнеднестровских скифов в III–II вв. до н.э. При этом надо учитывать, что восемь лепных светильников из курганов Тираспольщины были положены в катакомбы тех же скифов, что оставили могильник у с. Глиное; с большой долей уверенности это утверждение относится и к скифской катакомбе, раскопанной в 1895 г. у с. Троицкое. В этом случае диспропорция становится еще более внушительной: 64 светильника в скифских погребениях III–II вв. до н.э. на левобережье Нижнего Днестра против 21 находки в других регионах Северного Причерноморья и Крыма, а также Поднестровья в предшествующее время (два светильника из погребений грунтового могильника у с. Николаевка).

Вновь обращаясь к материалам, полученным при исследовании некрополя Ольвии, мы видим, что помещение светильника в погребальный комплекс является обычной практикой. Для второй половины VI – начала V в. до н.э. светильники известны в двух погребениях. В классический период светильников становится больше, они обнаружены в восьми могилах. В эллинистическое время в 21 ольвийской могиле было обнаружено 27 светильников. В Греции обряд помещения светильников в погребения известен с протогеометрического периода и со временем получает все большее распространение⁴².

³⁴ Болтрук Ю.В. Курган Кара-Тюбе // ДСПК. IV. – Запорожье, 1993. – С. 190–191, рис. 9/4.

³⁵ Яковенко Э.В. Рядовые скифские погребения в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. – К, 1970. – С. 127, рис. 18/5; Яковенко Э.В., Черненко Е.В., Корпусова В.Н. Описание скифских погребений в курганах Восточного Крыма // Древности Восточного Крыма. – К, 1970. – С. 151, 154; Яковенко Е.В. Скифи Східного Криму в V–III ст. до н.е. – К, 1974. – С. 117, рис. 54/10.

³⁶ Бессонова С.С., Буняян Е.П., Гаврилюк Н.А. Указ. соч. – С. 44, фото 1/6.

³⁷ Мелюкова А.И. Указ. соч. – С. 94, рис. 48/3.

³⁸ Мелюкова А.И. Скифские курганы Тираспольщины (по материалам И.Я. и Л.П. Стемпковских) // МИА. № 115. – М, 1962. – С. 157.

³⁹ Фабрициус И.В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Вып. 1. – К, 1951. – С. 14; Черненко Е.В., Бессонова С.С., Болтрук Ю.В., Полин С.В., Скорый С.А., Бокий Н.М., Гребенников Ю.С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. – К, 1986. – С. 12.

⁴⁰ Гребенников Ю.С., Ребедайло Г.П. Скифское погребение V в. до н.э. на Ингульце // Курганы Степной Скифии. – К, 1991. – С. 120, рис. 14; Островерхов А.С., Андреева, О.С. Стеклянные геммы с изображением копытных животных в Скифии // ССПiК. Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б.М. Гракова). XV. – Запоріжжя, 2009. – С. 113, рис. 1/14.

⁴¹ Погребова Н.Н. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. № 64. – М, 1958. – С. 134, рис. 12/5.

⁴² Папанова В.А. Указ. соч. – С. 214.

Канделябр, на котором стоял бронзовый светильник из погребения 31/1 могильника у с. Глиное, является на настоящий момент первой находкой подобного рода в скифском погребальном комплексе⁴³. Если до настоящего времени наиболее ранние находки канделябров происходили из скифских комплексов I–II вв. н.э. в Крыму (склепы 612 и 620⁴⁴ и могила 730⁴⁵ Усть-Альминского некрополя), то, в связи с находкой на могильнике у с. Глиное, можно констатировать, что уже в самом начале II в. до н.э. канделябры становятся предметом роскоши у богатых скифов.

На греческом некрополе Ольвии известна единственная подобная находка – в каменном склепе 1895 г. Бронзовое изделие выполнено в изящной манере и состоит из подставки в виде трёх лап животного, цельного ребристого стержня, который венчается бокалообразной чашкой с растительным орнаментом⁴⁶.

Железный канделябр из Глиного, безусловно, был более грубым в техническом плане подражанием греческим образцам классического времени, но имел одно существенное достоинство по сравнению с последними – он был разъёмным. Замена деревянного перехвата на более короткий, или наоборот, более длинный, позволяла регулировать высоту канделябра, а соответственно и условия освещения в тёмное время. Разъёмность канделябра обеспечивала большее удобство при его перемещении за счёт экономии места при складывании и последующей транспортировке.

Лепные чащки на ножке в количестве 15 экз. из 14 погребений могильника у с. Глиное с большой долей уверенности можно связывать с влиянием греческого керамического комплекса. Ещё три такие же чашки были обнаружены в скифских курганах Тираспольщины: 275 у с. Глиное, 377 у с. Плоское и 409 у с. Чобручи⁴⁷.

Первоначально М.И. Вязьмитина подобные чашки связала с влиянием гетодакийской культуры, но отметила их присутствие в Тире и в Ольвии⁴⁸. Позже это мнение было аргументировано оспорено Н.А. Гаврилюк, которая высказалась в пользу греческих истоков появления таких чашек в скифском керамическом наборе, причём исследовательница сначала отмечала, что они также использовались в качестве светильников, в пользу чего свидетельствуют находки чашек с перегородками⁴⁹, а спустя значительное время констатировала греческое проис-

⁴³ В первой публикации предмет был неверно интерпретирован в качестве ритуального предмета, поскольку рассматривался отдельно от чашки канделябра (см. Синика В.С. Артефакт с зооморфным навершием из кургана 31 могильника позднескифского времени у с. Глиное // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Материалы тематической научной конференции. СПб. 1–4 декабря 2004 г. – СПб, 2004. – С. 138–142).

⁴⁴ Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P. Prunkbestattungen des 1. Jh. N. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1999 // EA. Band 10. – s. 243, abb. 9/4.

⁴⁵ Loboda I.I., Puzdrovskij A.E., Zajcev J.P. Prunkbestattungen des 1. Jh. N. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma auf der Krim. Die Ausgrabungen des Jahres 1996 // EA. Band 8. – s. 335, abb. 22/4.

⁴⁶ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Атлас. Табл. I–CXII. – СПб, 1913. – табл. LX.

⁴⁷ Мелюкова А.И. Указ. соч. – М, 1962. – С. 157, рис. 3/10, 11.

⁴⁸ Вязьмитина М.И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра // МИА. № 150. Древние фракийцы в Северном Причерноморье. – М, 1969. – С. 128, рис. 5/3, 4.

⁴⁹ Гаврилюк Н.О. Скіфські імітації форм античного гончарного посуду // Археологія. № 48. – К, 1984. – С. 9, рис. 2/13–15.

хождение всех чашек на высокой ножке⁵⁰. Аналогичной точки зрения придерживается К.И. Зайцева, которая, проанализировав 39 чашек из Ольвии и её округи, а также из Мирмекия, Тиритаки, Нимфея и Херсонеса, Танаиса и Горгиппии, указывает, что они в большинстве случаев были культовыми и использовались в качестве курильниц, фимиатериев, алтариков, жертвенныхников и светильников⁵¹.

Мы же можем только констатировать, что нижнеднестровские скифы в III–II вв. до н.э. заимствовали у греков форму чашек на высокой ножке, однако использовали их в погребальном обряде могильника у с. Глиное как сосуды для питья, а не как курильницы или светильники.

Ещё одной керамической формой, подражающей греческим образцам является лепной поильник, обнаруженный в ритуальной яме кургана 94 могильника у с. Глиное. Подобные сосуды крайне редки в скифских погребальных комплексах Северного Причерноморья. Известно всего шесть подобных находок – из погребения 4/1 могильника Табаки в Подунавье⁵², в кургане 38 у с. Отрадное в Побужье⁵³, в захоронениях 1/3 группы Лисьей Могилы⁵⁴ и 13/1 могильника у с. Кут⁵⁵ и из рва кургана 13 могильника Мамай-Гора⁵⁶ в Поднепровье, а также в погребении 10/1 у с. Водопойное в Крыму⁵⁷.

Без сомнения, лепные поильники, не характерные для скифского керамического набора, копировали греческие гутусы, получившие распространение, в частности, на некрополе Ольвии⁵⁸. Н.А. Гаврилюк уже отмечалось, что, в отличие от гончарных греческих образцов, лепные скифские изготавливались без поддона и ручки⁵⁹.

Завершая анализ греческих традиций, отложившихся на скифском могильнике III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра, остановимся на некоторых ключевых моментах. Носителями этих традиций являются греки, проживающие в это время не только в городах Тира и Никоний на берегах Днестровского лимана, но и на расположенных в непосредственной близости от Глинянского могильника поселениях Красное и Чобручи на левобережье Днестра.

В предшествующее время (в V–IV вв. до н.э.) греческое население являлось исключительно торговым партнёром скифов, поставляя им в обмен на натураль-

⁵⁰ Гаврилюк Н.А. Фракийцы в Нижнем Поднепровье // Stratum plus. № 3. 2005–2009. Скифские интерпретации. – СПб-Кишинёв-Одесса-Бухарест, 2009. – С. 129, рис. 12.

⁵¹ Зайцева К.И. Лепные чащки на ножках конца VII – I вв. до н.э. из Северного Причерноморья // АВ. Вып. 7. – СПб, 2000. – С. 150, рис. 1, 2.

⁵² Субботин Л.В., Островерхов А.С., Охотников С.Б., Редина Е.Ф. Скифские древности Днестро-Дунайского междуречья. – К, 1992. – С. 8–9, рис. 6/11.

⁵³ Гаврилюк Н.А. Указ. соч. – К, 1989. – С. 57, рис. 3/10.

⁵⁴ Мозолевский Б.Н. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.) // Скифия и Кавказ. – К, 1980. – С. 121, 123, рис. 55/6.

⁵⁵ Березовець Д.Т. Розкопки курганного могильника епохи бронзи та скіфського часу в с. Кут // АП УРСР. Т. IX. – К, 1960. – С. 61, рис. 19; Колекції наукових фондів Інституту археології НАН України. Каталог. – К, 2007. – С. 231, рис. 177/3.

⁵⁶ Андрющ С.И., Тощев Г.Н. Могильник Мамай-Гора. Книга I. – Запорожье, 1999. – С. 94, рис. 24/18.

⁵⁷ Колтухов С.Г. Погребения скифского времени в курганах к северо-востоку от Ярылгачской бухты // Stratum plus. № 3. Люди и вещи железного века. – СПб-Кишинёв-Одесса-Бухарест, 2010. – С. 206, рис. 5/2.

⁵⁸ Козуб Ю.І. Вказ. праця. – С. 57–58, рис. 18; Парович-Пенникан М. Указ. соч. – С. 85–86, рис. 81/4–6.

⁵⁹ Гаврилюк Н.А. Указ. соч. – К, 1984. – С. 10, рис. 1/3.

ную продукцию различные импорты (вино, столовую посуду, металлические, в том числе ювелирные, изделия и др.). В III–II вв. до н.э. ситуация существенно изменяется: торгово-экономические связи сохраняются, хотя и идут на спад, о чём свидетельствует, например, крайне незначительное количество керамических импортов не только на могильнике у с. Глиное, но и во всех синхронных погребальных комплексах Тираспольщины. Вместе с тем именно в это время культурные контакты между греками и скифами усиливаются настолько, что греческие элементы не только изредка проникают, но в некоторых случаях и закрепляются в скифском погребальном обряде и в скифской материальной культуре, что, по нашему мнению, явилось результатом непрерывного оседания скифов на землю и, как следствие, их постоянного проживания в непосредственном соседстве с греческим населением.

В погребальном обряде греческое влияние наиболее ощутимо проявляется на примере устройства сырцовых закладов входов в дромос катакомб и помещения в катакомбы, как правило, в специальные ниши, светильников, которые имитировали греческие образцы. Другие элементы обрядности и предметы погребального инвентаря, происхождение которых аргументировано связывается с греческими импульсами, фиксируются на могильнике у с. Глиное и синхронных скифских древностей Тираспольщины изредка либо в единственном случае (экземпляре). Скифские же основы погребального обряда и материальной культуры нижнеднестровских скифов III–II вв. до н.э. в целом и скифского могильника у с. Глиное в частности при этом представляются очевидными и бесспорными.